

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Том № 268

ноябрь

1999

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694, электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

ISSN: печатный вариант — 1561-7793; электронный вариант — 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного Центра ISSN (Париж)

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЗОРЫ

- Зиновьев В.П.** Исследования по истории Сибири в Томском государственном университете
в конце 1980-х – 1990-е гг. 4

ИСТОРИЯ. КРАЕВЕДЕНИЕ

- Сагалаев А.М.** Архаичное миропонимание и современный менталитет России
(к постановке проблемы) 9
- Казаркин А.П.** Идеи областничества и евразийства в литературе Сибири 11
- Кулемзин В.М.** Традиционные культуры Сибири: народное сознание и рыночные отношения 13
- Жеравина А.Н.** П.И.Макушин и «Детский сад по методу Фребеля» в Томске 14
- Малолетко А.А.** Казаки в истории Кольваново-воскресенского
(Алтайского) горного округа (1726–1917 гг.) 19
- Есипова В.А., Климкин В.М., Чернявская Ю.О.** Бумага как исторический источник:
некоторые перспективы изучения 22

ПОТАНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

- Завещание и смерть Н.М.Ядринцева.** Публикация и научный комментарий Серебренникова Н.В. 26
- Письма А.В. Лаврской (Потаниной) Н.М. Ядринцеву (1873–1874 гг.).**
Публикация и научный комментарий Серебренникова Н.В. 31

ФИЛОЛОГИЯ

Литературоведение

- Поплавская И.А.** Мотив покоя в раннем творчестве В.А. Жуковского 34
- Яиушкевич А.С.** К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Из статей в «Онегинскую энциклопедию» 37
- Седельникова О.В.** Формирование почвеннических взглядов в мировоззрении раннего Достоевского 45
- Казак А.А.** Архетип смерти в структуре «финальной гармонии» Ф.М. Достоевского 54
- Реморова Н.Б.** Кедрин и Ходасевич. «Стагги о русской поэзии» В. Ходасевича
в чтении и восприятии Дм. Кедрина (по материалам кедринской библиотеки) 58
- Рыбальченко Т.Л.** История литературы XX века как история литературных течений 68
- Антошина Е.В.** Ранняя проза В. Набокова в контексте христианской философии искусства 73
- Письма Ф.П. Литке к В.А. Жуковскому.** Публикация, научный комментарий
и примечания Реморовой Н.Б. 76

Языкознание

- Резанова З.И.** Язык и человек: субъектно-объектные отношения (варианты интерпретации
в европейской культурной традиции) 86
- Иванцова Е.В., Волкова Т.Ф.** Отражение языковой картины мира в сравнениях диалектной личности 89
- Блинова О.И.** О чем звонят колокола? (стилистические этюды) 94
- «... я, может быть, стал более строго отбирать слова и потому достиг некоторого совершенства»**
(к 100-летию со дня рождения М.В. Исаковского) 96

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Петров Ю.В.** Философия как философия культуры 98
- Видгоф В.М.** Эстетическая реальность как предмет философской рефлексии 101
- Доманский В.А.** Диалог культур и диалог в культуре при изучении литературы 106
- Барнашова Е.В.** Взаимосвязь натуралистических и эстетствующих тенденций
в европейской художественной культуре XIX века 110

ПСИХОЛОГИЯ

- Кабрин В.И.** Транскомуникативная холодинамика психологического универсума личности
(«Стресс – Транс – Формация») 115
- Рождественская Е.А.** Особенности проявления тревожности и ригидности
в актуальном состоянии преподавателей, переживающих коммуникативный стресс 120

ИСТОРИЯ ТГУ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИБИРИ

- Разумов О.Н.** Александр Михайлович Сибиряков – предприниматель, меценат, исследователь
(к 150-летию со дня рождения) 123

Могильницкий Б.Г. Из истории становления исторического образования в ТГУ: А.И. Данилов – создатель Томской историографической школы	126
Галкина Т.В., Топчий А.Т. Первый этнограф Томского университета	133
Кабрин В.И. Факультет психологии ТГУ	137
Петров Ю.В. Культура как самоосуществление духа (к пятилетию открытия культурологического факультета)	140
Гураль С.К. Факультету иностранных языков – 5 лет	144

КОНФЕРЕНЦИИ. СИМПОЗИУМЫ

Международный симпозиум «Психологический универсум образования человека ноэтического» (г. Томск, 27–29 сентября 1998 г.)	148
Клюевская конференция в Томске (16–18 сентября 1999 г.)	150
Девятая конференция «Проблемы метода и жанра» (г. Томск, 8–10 декабря 1998 г.)	152
Семинарий библиотеки Конгресса США в Томске (ноябрь 1998 г.)	154

РЕЦЕНЗИИ. КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

Вершинский словарь	155
Пойзнер Б.Н. Наследие РАХН – университет для гуманитариев университета	156

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И МЕТОДИКИ

Можаева Г.В., Вымятнин В.М. Дистанционное обучение в преподавании истории: проблемы и перспективы	158
Абакумова Н.Н., Комаровская Л.В. Опыт формирования учебных программ на основе комплексного компьютерного тестирования школьников	161

ПРОБЛЕМЫ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Михалева Л.В. Педагогическая эффективность реализации дидактических принципов обучения в учебном процессе в ВУЗе	167
Обдалова О.А. Особенности урока иностранного языка в ВУЗе как сферы воздействия иной культуры	169

МЕМУАРЫ. ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ. ПЕРСОНАЛИИ

Наши юбиляры

Черкасова О.Г. (с. 172), Петров Ю.В. (с. 173), Сотников В.В. (с. 175), Симахина Л.Ф. (с. 176), Захарова Л.А. (177), Хмылев Л.Н., Николаева И.Ю. Учитель, который учит букве, а укрепляет дух	178
Голишева Л.А. (с. 184), Янушкевич А.С. (с. 186), Баронас А.П. (с. 187), Дунаева Н.Л. (с. 187), Бурова Т.Т. (с. 188)	

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	189
-----------------------------------	-----

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	192
---	-----

CONTENTS

REVIEWS

V.P. Zinovyev Study of the history of Sideria of Tomsk State University end of 1980s – 1990s	4
--	---

HISTORY. COUNTRY STUDI

A.M. Sagalaev. Archaic world outlook and modern mentality of Russia	9
A.P. Kazarkin. Regional and euroasian ideasin the literature of Siberia	11
V.M. Kulemzin. Traditional cultures of Siberia: peopl's consiousness and market relationships	13
A.N. Zheravina. P.I. Makushin and «kindergarten by Frebel method» in Tomsk	14
A.A.Maloletko. Cossacs in history of the Kolyvano-voskresensk (Altai) mountain region (1726–1917)	19
V.A. Esipova, V.M. Klimkin, Y.O. Tschernjavskaja. Paper as a historical source: some perspectives of studying	22

POTANIN'S READINGS

WILL AND DEATH OF N.M. JADRINSEV. Publication and scientific commentaries by N.V. Serebrennikov	26
THE LETTERS OF A.V. LAVRSKAYA (POTANINA) N.M. JADRINTSEV (1873–1874). Publication and scietific commentaries by N.V. Serebrennikov	31

PHYLOLOGY

Literary criticism

I.A. Poplavskaya. The motiveof rest in the early works of V.A. Zhukovsky	34
A.S. Yanushkevich. To the 200th anniversary from the birst of A.S. Pushkin From the articles in «Onegin-encyclopaedia»	37
O.V. Sedelnikova. About the forming of Dostoevskiy pochvenichestvo	45
A.A. Kazakov. The archetype of the death in the structure «the final harmony» by Dostoevsky	54
N.B. Remorova. Kedrin and H0dasevich. «Articles about russian poetuy» of V. Hodasevich in the reading andperception of Dm. Kedrin (on the materials of kedrin's library)	58
T.L. Ribalchenko. The history of literature in the XXth century as the history of literany trends	68
E.V. Antoshina. Early prose of V. Nabokov in the context of christian art philosophy	73
LETTERS OF F.P. LITKE TO V.A. ZHUKOVSKY. Pablication, scientific comment and notes belong to N.B. Remorova	76

LINGUISTICS

Z.I. Rezanova. Language and man: subject-object relation	86
E.V. Ivantsova, T.F. Volkova. The reflection of the linguistic picture of the world in the compare suite of the dialectic personality	89
O.I. Blinova. What do the bells ring about? (stylistic essays)	94
«...may have begun to select words more carefully, that is why have reached some perfection» (the 100-th anniversary since the birth M.V. Isakovsky)	96

CULTURE STUDY

Yu. V. Petrov. Philosophy as philosophy of culture	98
V.M. Vidgoff. Esthetic reality as a subject of philosophical reflexing	101
V.A. Domansky. Dialogue of cultures and dialogue in the culture of studying literature	106
E.V. Barnashova. A cjrrektion of naturalistic and aesthetic tendencies in european art cultura in the XIX anturu	110

PSYCHOLOGY

V.I. Kabrin The Psychological personality's universum transcommunicative holodynamics («Sress-Trance-Formation»)	115
E.A. Rozhdestvenskaya. The peculiarities of the teachers anxiety and rigity manifestation in the actual state of the communicative stress	120

THE HISTORY OF THE TSU AND HIGHER EDUCATION IN SIBERIA

O.N. Rasumov. Aleksander Michaylovich Sibiryakov – a manufacturer, mecenate, investigator (the 150-th anniversary since his birth)	123
B. G. Mogilnizky. From the history of historical education coming into existence at Tomsk State University: A.I. Danilov – founder of Tomsk historiographic school	126
A.T. Topchij, T.V. Galkina. The first ethnographer of Tomsk State Universiti	133
V.I. Kabrin. The psychology department of the TSU	137
Yu.V. Petrov. Culture as self-vealization of spirit (by the fifth anniversary of the opening of the culturological faculty)	140
S.K. Gural. Faculty of foreign languages – 5 years	144

CONFERENCES. SIMPOSIA

International symposium «Psychological universum of noetic person's education» (Tomsk 1998, september, 27–29)	148
Klujev's conference in Tomsk (1999, september, 16–18)	150
Ninth conference on «Problems of method and ganre» (Tomsk 1998, december, 8–10)	152
The semenary of the USA Congrtrss Librart in Tomsk (1998, november)	154

REVIEWS. CRITICISM. BIBLIOGRAPHY

Vershin's dictionary	155
B.N. Poyzner. RAKhN Itgaky as university for university lectures of the humanities univtrsty	156

CURRENT TECHNOLOGITS AND METHODS

G.V. Mozhaeva, V.M. Vymyatnin. Distant learning in history training: problems and prospekts	158
N.N. Abakumova, L.V. Komarovskaya. The experience of educational programs development on the basis of the complex computer testing of pupils	161

PROBLEMS OF UNIVERSITY EDUCATION

L. V. Mikhaliyeva. Pedagogical effectiveness of the didactic principles realization in high school educational process	167
O.A. Obdalova. Peculiarities of foreign language teaching in high school as a sphere of another culture influence	169

MEMOIRS. MEMORY DATES. PERSONALITIES

Our jubilants

O.G. Cherkasova (p. 172), Yu.V. Petrov (p. 173), V.V. Sotnikov (p. 175), I.F. Simachina (p. 176), L.A. Zacharova (p. 177), L.N. Hmylev, I.Yu. Nicholaeva. A teacher who teaches letters but strengthens spirit	178
L.A. Golisheva (p. 184), A.S. Yanushkevich (p. 186), A.P. Baronas (p. 187), Dunaeva N.L. (p. 187), Burova T.T. (p. 188)	

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	189
--	-----

SUMMARIES OF THE ARTICLES IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES	192
---	-----

ИСТОРИЯ. КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 930.9; 94/99; 93/99 (4/9)

А.М. Сагалаев

АРХАИЧНОЕ МИРОПОНИМАНИЕ
И СОВРЕМЕННЫЙ МЕНТАЛИТЕТ РОССИИ
(к постановке проблемы)*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 98-01-00026*

Выступление на русско-американском симпозиуме «Русское национальное самосознание» (Томск, ноябрь 1998 г.). Рассматриваются некоторые аспекты функционирования архаичных элементов в менталитете современной России. Делается вывод о том, что кризисное состояние общества оживило архетипы мифологического сознания, основанные на абсолютизации «своего» и отрицании «чужого» начал. Кроме того, отмечается идеализм современного менталитета России.

Известно, что в кризисные периоды жизни общества происходит активизация неких доминантных структур общественного сознания, весьма архаичных по происхождению и функциям. Образно говоря, оживает «языческий» пласт культуры, который играет важную роль, в том числе как механизм стабилизации культуры в целом. Это закономерная реакция общества на резкие изменения «среды обитания». Российская действительность последнего десятилетия дает достаточно оснований для сравнительного изучения этой «живой архаики». Самое главное впечатление таково: произошла общая реархаизация культуры, прежде всего – общественного сознания. Общество вышло из одной системы и еще не обрело новой. Пребывание вне определенных координат требует хотя бы элементарных «точек опоры». В последнее время много говорят и пишут о некоем «вакууме», создавшемся в сфере идеологии, умонастроениях. Вряд ли это справедливо, так как культура в любой момент является системой целостной и самодостаточной.

Системный кризис, переживаемый российским обществом, сродни архаичным ритуалам периода («rites de passage»), сопровождающим всякую перемену статуса в традиционном обществе. Для обретения нового статуса – независимо от того, более высоким или низким он будет – общество должно, по выражению В. Тэрнера, пройти через «пустыню бесстатусности». В подобной ситуации функциональным становится маргинальный стиль мышления и поведения, оживают наиболее архаичные ментальные схемы. Вновь становится востребованной фигура (социальная роль) *целителя* – телевизионного мага, концертирующего шамана, народного колдуна. В кризисных условиях эта роль актуализируется и в «верхах» общества: ее исполняют экономисты и политики, отыскивающие в диаграммах и цифрах «чудесный» путь выхода из кризиса (программа «500 дней», программа приватизации, финансовые пирамиды и т.д.). Эта традиция не нова для России, достаточно вспомнить лозунг «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Но обилие лозунгов и программ при отсутствии харизматического лидера и соответствующего настроения общества – типичная ситуация «выбора по наитию». Отметим, что вера в возможность скорого осуществления чуда – яркая черта архаичного мироощущения. Кроме того, здесь видна и другая архаичная черта: стремление аннулировать время, «перескакивая» через эпохи и этапы.

Проблема в том, что радикальный процесс смены обществом своего статуса не столько совершается в действительности, сколько переживается в сознании, переводится в идеальный план. И катастрофический стиль сознания («все

плохо и будет еще хуже») сочетается с его идеализмом, т.е. проявляется типично дуальное мировоззрение, столь характерное для мифологической эпохи. Сложилась парадоксальная ситуация: новая мифология уже есть, а новых ритуалов-праздников еще нет (или же они не воспринимаются людьми как общественно значимые события). Из жизни общества изъяты важные механизмы снятия социальной напряженности. Подобная ситуация отчетливо обрисована В. Тэрнером: «...если общество хочет существовать, избегая разрушительной напряженности, то культуре и в особенности ритуалу следует учесть возбуждающие реакции на структурные перемены и нормы, количество которых растет из поколения в поколение соответственно росту числа членов общества, подвергаемых переменам» [1].

Произошла быстрая актуализация весьма архаичных черт социальной психологии и мифологии. Среди них – оппозиция «мы – они», где на место старой парадигмы (красные – белые, коммунисты – капиталисты) приходят ее новые варианты (патриоты – демократы), и часто – с ощутимой националистической окраской. Заметно возросла роль «национального» вопроса. Сфера этнического вновь выступает тем локусом, где происходит процесс самоидентификации личности и общества. Старые стереотипы и мифы играют важную роль: мифологизация собственной истории идет полным ходом, ибо при полной неопределенности будущего и неприглядности настоящего можно полагаться только на прошлое. Нельзя не видеть, что в конце XX в. сведение масштабов личности до частных определений типа «православный» или «буддист» свидетельствует о регрессивных тенденциях. Это явный шаг назад. Знак равенства между понятиями «этнос» и «религия» – тоже заблуждение. Но это вполне типично для архаичного миропонимания, где «единоверец» и «свой» – синонимы. На первое место в системе этнических маркеров выдвинулось противопоставление «мы – они», и на долю второго члена оппозиции приходится весь спектр негативных эмоций, оценок, признаков. Этнический национализм стал своеобразной нишей, где происходит разрядка социальной напряженности, поиск виновных и самоутверждение.

Место «научного» атеизма занял мифологический теизм. Общество из эпохи атеизма вернулось к язычеству, минуя религиозность современного (рационального) типа. В целом можно сказать, что под внешней христианизацией страны произошло оживление языческого пласта культуры, причем в его исторически весьма ранней редакции. Можно предположить, что такие полярные качества российского менталитета, как идеализм, нетерпимость, доверчивость, делегирование куда-то («вовне») своих прав и обязанностей, вера в чудеса – отчасти есть своеобразная реакция на деся-

тилетия пресного атеизма, диалектического материализма и социалистического реализма. Как в архаичном мировоззрении, очередная неудача не может поколебать веру в самое чудо, поскольку миф не может быть предметом рациональной критики. В сфере обыденного сознания произошла быстрая и резкая смена ориентиров: вместо «научной» картины мира там образовалась вполне мифологическая конструкция. Сегодня ее узнаваемые атрибуты – «барабашки» и НЛО, Атлантида и снежный человек. Новая редакция мифологической картины мира содержит и вполне традиционные образы: духи мертвых, загробная жизнь, перерожденные души и т.д. Эту сферу можно назвать «малой» мифологией. А мифология «большая» уже теснее сопряжена с политикой, она обслуживает интересы этноса и государства.

Из десятилетий официального материализма страна вышла с неожиданным «багажом» – непоколебимой верой в чудо. Разочарование в материалистическом понимании мира задело все слои российского общества. Внизу – ожидание нового, доброго правителя, посередине – увлечение теософией, вверху – мифология власти и денег. Но идеализм, непрактичность и непрагматичность – куда более существенные признаки современного российского менталитета. Их роль в стране, где сама жизнь является разновидностью литературы, переоценить трудно.

В России человек всегда был растворен в обществе. Жизнь нашего современника преимущественно имеет *публичный* характер, что в высшей степени присуще неразвитым архаичным обществам. Обязательное условие нашей жизни – включенность в разного рода (профессиональные, конфессиональные, возрастные и пр.) группы и коллективы. Там мы реализуем себя, там обретаем свои права и обязанности. Сфера частной жизни и то, что в англоязычном мире называется «*privacy*», у нас не развиты и не имеют никакого значения (о стремлении нашего гражданина быть частным лицом см., например [2]). Нереализуемые личностные качества, интересы и потребности человека проецируются в сферу т.н. «политики», которая заведомо ему неподотчетна, неподвластна и, стало быть, имеет иррациональный, мистифицированный характер. Неразвитость сферы частной жизни и публичность, открытость, незащищенность человека – все это провоцирует мифологизацию действительности. Большой частью мы всё еще живем в вымышленном нами же мире, слабо различая миф и реальность, тенденцию и результат. Идеализм, непрагматичность русской культуры многих ставят в тупик. А это, быть может, ее сильная черта.

Жизнь в России не столько *проживается* (как временная протяженность), сколько *переживается* – как некая высокая драма, в которой мы являемся не только участниками, но и зрителями, сторонними наблюдателями самих себя. Это совершенно особый стиль жизни и миропонимания: жизнь-житие, жизнь-литература, жизнь-событие, жизнь как *со-бытие*. Отдельной, частной, приватной жизни мы еще не знаем и как бы заведомо ей не доверяем. Только общее (а в его истоках – общинное) бытие имеет для нас высший смысл и смысл вообще. Тема общей исторической судьбы, в которую мы вовлечены неким роком или предназначением, все еще обладает большой притягательностью. Сохранение в отечественной культуре многих черт общинного самосознания – вовсе не «пережиток», а важная составляющая российского менталитета. Жизнь как целостный социальный факт – так ее переживали традиционные общества, та же традиция существует в России. В сфере «большой» мифологии обнаруживается круг давно известных и традиционных для России сюжетов и тем. Назовем лишь некоторые из них: – вера в добродетельность уравнительного распределения и страдания «всем миром»; – плач

по своей стране (в диапазоне от «погибели земли русской» до «мировых заговоров») и планов разграбления России); – тоска по имперскому прошлому и сильной руке («козлина»); – вера в избранность России и ее особое предназначение («Земля обетованная», «Москва – третий Рим» и т.д.).

Заметно доминируют апокалиптические настроения, ощущение трагического разлада, завершения эпохи, созвучные нынешней ситуации, но они не безысходны. Сохраняется традиция считать себя центром мира, преувеличение своей роли в мировой истории и культуре, подчеркивание особенностей исторического пути страны и ее предназначения. В архаичной редакции эти мотивы часто сводятся к утверждению: мы – центр мира. Это миф о стране древнего благочестия, окруженной врагами. Это – реплика архаичного мироощущения, в котором свой мир был средоточием всех положительных качеств, островком в океане Хаоса. Враг всегда вовне, Бог всегда с нами. Обратная сторона того же умонастроения – ощущение враждебности нашего окружения, миф о мировом заговоре.

Отношение к окружающему миру как к «Ты» (а не как к «Оно») [3] – заметная черта нового менталитета. Все, что происходит в мире, не безадресно и направлено на нас, нередко со злым умыслом. Это – свидетельство архаичного мировоззрения. В современности этот стиль отношения к внеположному миру видоизменился: мнение о собственном превосходстве соседствует со скрытым чувством своей ущербности или обиженности (ср. архаичный мотив сиротства). Новая мифология явно отдает предпочтение развитию образа врага. В культуре устанавливаются не связи, а границы.

В России налицо стремление находить «чудодейственные» средства (рецепты, концепции развития) с помощью нехитрых инструментов познания. Чаще всего это редукция, низведение действительно сложной проблемы до перечня насущных вопросов и истин «здравого смысла» («*common sense*»). Это тоже весьма архаичный прием организации информации и перевода неразрешимой проблемы в сферу ее мнимого разрешения. Так зачастую работает стратегия первобытного сознания.

Мифологизация недавней отечественной истории происходит на фоне явного размыывания понятий добра и зла. Тут, возможно, работает весьма архаичный механизм «отторжения» большого Зла, низведения его до ряда приемлемых величин и явлений. Так, в архаичном миропонимании принципиально не решаемая (или несоразмерная) проблема дробится на ряд частных, более мелких. С другой стороны, это вполне объяснимая реакция обыденного сознания, получившего в короткий промежуток времени большой объем негативной информации о своем прошлом.

Идеология российского регионализма объективно тоже способствует оживлению местной технологической и духовной «экзотики», подчеркиванию своих особенностей – в противовес довлеющему Центру. Национальные окраины России (в частности, Сибирь) все чаще обращаются к культуре своего прошлого как к некоему образцу. Идеализация архаики происходит повсеместно, порой в гротескных формах, но в любом случае – с соблюдением законов мифологического сознания. В Сибири такой опорой нередко становится шаманская традиция. Мифологизация культуры наиболее зримо проявляется в сфере языка. Границы социальных диалектов и жаргонов стали прозрачными – структура языка упрощается на глазах. Это регрессивное явление, но оно вполне объяснимо. Мнимая демократичность языка – его временный «возврат» в первобытное состояние.

Новая российская мифология играет роль социального демпфера, она помогает зачастую уменьшить чувство

нимой или подлинной ущербности, объяснить просто и доступно причины бед и проблем. Постановка диагноза и поиск решений идут в хорошо известном русле («Кто виноват?») и «Что делать?»). Здесь активно используется образ врага, обладающего вполне мифологическими характеристиками Мирового зла, Средоточия неверия, (мировой заговор, внутренние враги и т.п.). Для России характерна нерасчлененность разных сфер жизни: политики, экономики, индивида и общества, будней и праздников, веры и знания – все это слито воедино, как в синкретичной первобытной культуре. Отмеченные выше подобия и параллели имеют не внешний, а системный характер, и речь идет не о случайных парадоксальных подобиях, а о сущностном сходстве. Характерными чертами российского менталитета сегодня являются: – доминирование общего над частным (чувство общинности); – возрастание роли этнического самосознания; – замещение государственной идеологии частными, национальными вариантами; – возрастание роли конфессионального признака, который все чаще используется как маркер (такого же ранга, как этничность), разграничитель своего и чужого; – возрастание в культуре роли

не объединяющих, а разграничивающих начал; – поляризация ментальных схем, их свобода от полутонов и переходов (одновременно ожидается и локальный «конец света»), и крепнет вера в великое будущее страны); – возрастание роли устной культуры в ущерб культуре письменной (возвращение к устной, упрощенной речи и мышлению). Культура со знаком «знаю» замещается культурой со знаком «верю».

Сказанное не означает, что речь идет о безнадежной деградации культуры в целом. Скорее можно говорить, что в некоторых исторических ситуациях более надежным оказывается обращение общества к испытанным мыслительным схемам. Они оказываются достаточно комфортными, комплиментарными, нечувствительными к противоречиям действительности. С другой стороны, нас не должен удивлять тот факт, что стратегия архаичного миропонимания вполне может «работать» и в конце XX века. При всех закономерных расхождениях между терминами «знать мир» и «чувствовать мир» архаичное миропонимание еще не выработало всех своих ресурсов. Это своего рода «первичные впечатления бытия», с которыми человек когда-то стал человеком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. С. 240.
2. Бродский И. Нобелевская лекция // Иосиф Бродский. Форма времени. Т. 2. Минск, Эридан, 1992. С. 450.
3. Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. М., 1984. С. 24.

Статья представлена кафедрой современной отечественной истории Томского государственного университета и кафедрой всеобщей истории Томского государственного педагогического университета, поступила в научную редакцию 15 февраля 1999 года.

УДК 17.01.45

А.П. Казаркин

ИДЕИ ОБЛАСТНИЧЕСТВА И ЕВРАЗИЙСТВА В ЛИТЕРАТУРЕ СИБИРИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 98-04-000

Публикуется выступление А.П. Казаркина на русско-американском симпозиуме «Русское национальное самосознание» (Томск, ноябрь 1998 г.). Речь идет об основных идейных традициях, развиваемых писателями-сибиряками в XX веке: «Русская идея в Сибири сочетает внешне несовместимые установки – региональную и глобалистскую».

Литературную историю Сибири начинают с летописей, упоминают в ней, как правило, о Радищеве, декабристах, ссыльных революционерах и о писателях, проехавших по Сибири. Такая постановка вопроса свидетельствует о различии точек зрения: литература о Сибири (внешняя точка зрения) отождествляется с литературным самосознанием Сибири (внутренняя точка зрения). Собственно сибирская литература складывается лишь с появлением областничества, то есть ближе к концу XIX века, и только в XX веке русская литература Сибири выходит из состояния провинциальной отсталости. Мирового уровня литературное творчество сибиряков достигло лишь в XX веке. Об этом можно говорить, изучая наследие Г. Гребенщикова, П. Васильева, С. Маркова, В. Шукшина, а также художественный мир В. Астафьева, С. Залыгина, В. Распутина.

«Сибирский характер» отождествляется с самосознанием субэтноса русских, при этом усиливается момент зависимости его от природно-географических факторов. Этот географический детерминизм, а также интерес к тюрко-монгольскому наследию объединяет областников с евразийцами. Потанин увлеченно изучал монгольский эпос, Ядринцев открыл Каракорум, а их преемник Грум-Гржимайло (его работы высоко оценил Л. Гумилев) повлиял на первых евразийцев.

Есть, однако, серьезные расхождения в позиции областников и евразийцев. Областники противостояли имперскому централизму, а евразийство иногда квалифи-

цируют как имперскую теорию (Н. Бердяев, например). Однако в нем можно усмотреть идею конфедеративного устройства государства с сильной централизацией только в моменты военной опасности, а главное – опоры на местные традиции в самоуправлении. Сибирское областничество оказалось дополнением и развитием концепции культурного полиморфизма Н. Данилевского.

О. Шпенглер видел в Сибири последний великий культурный тип, после которого – цивилизация-монокультура. Проблему можно свести к простой формулировке: понимать ли «сибирскую идею» как продолжение русской идеи или же это разрыв с последней? Если раннее областничество было по преимуществу научно-публицистическим движением, то теперь регионализм начинает приобретать черты политического движения. Когда ситуация работает на распад русской государственности и культуры, курс на максимальную независимость Сибири представляется оздоравливающим.

Преображение России должно начинаться с окраин. Возможна актуализация областничества как идеологии самоспасения Сибири, неподчинения Центру, чей курс на вестернизацию и разрушение национальных традиций окраин воспринимается как деструктивный. Сибирский регионализм понимается не только как неимперский, но и как западный путь. Евразийцы предрекали Сибири роль воплотителя запасного, неевропейского, варианта истории. Сегодня традиционная российская культура живет преимущественно